

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4196793>

Поцелуй

Направленность: Слэш

Автор: Hikigaeru (<https://ficbook.net/authors/9300>)

Фэндом: Ориджиналы

Пейринг или персонажи: м/м

Рейтинг: PG-13

Жанры: Драма, Исторические эпохи

Предупреждения: Смерть основного персонажа, Underage

Размер: Драбл, 2 страницы

Кол-во частей: 1

Статус: закончен

Описание:

Когда тебе шестнадцать, очень хочется жить и любить, но если вокруг кипит гибельный водоворот Гражданской, выбирать не приходится.

Посвящение:

Героям Белого движения

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3

Часть 1

*Донец ли, орловец — не всё ли равно?
Из Пскова он был иль с Урала...
С поры лихолетья я помню одно —
Кадетская бляха сверкала,*

*Да по ветру бился в метели башлык,
Как крылья подстреленной птицы.
Был бледен кадета восторженный лик
И снегом пуржило ресницы...*

Н.Н. Богаевский "Кадетам"

Уходили из разоренной войной деревни без дороги, утопая в наметенных за вчерашний день сугробах.

Двое их осталось. Утром в бою с неожиданно налетевшим отрядом красных убиты были и штабс-капитан, и оба унтера, солдаты – кто тоже poleg, кто разбежался, а изрядная часть сдалась в плен.

Не избежать бы и им с кадетом Лисицким этой участи, да благодарение небесам – отстрелялись как-то и ушли в степь. Никто за ними, по счастью, не погнался, красных-то тоже немало потрепали, по морозу и метели от какого-никакого жилья отходить ради двух недобитых «благородий» охотников не нашлось, только постреляли вслед.

Преодолели с полверсты по свежим сугробам, и Дмитрий заметил, что Лисицкий идет все медленнее, спотыкаясь и покачиваясь.

Он остановился, дожидаясь отстающего.

– Что, Алеша, устали?

– Немножко, господин поручик, – едва слышно ответил Лисицкий, кусая побелевшие губы, и вдруг тяжело сел на снег.

Опустившись рядом на колени, Дмитрий рывком распахнул на нем шинель и выругался сквозь зубы. Так и есть – гимнастерка кровью залита, все течет и течет, и рана очень скверная, с такой в госпиталь бы скорее, а не по морозу бегать, да и то надежды мало...

Кортиком откромсал подол собственной рубахи, стянул кое-как – лучше, чем ничего.

– Как же ты так, братец... – вырвалось горько.

– В горячке не почувствовал ничего, думал, бог миловал, пронесло, – кадет Лисицкий еле шевелил губами, кривясь от боли. – Вы... уходите, не теряйте время зря...

– Помолчи, советчик, – резко бросил Дмитрий и, поднатужившись, взвалил раненого на

плечи.

Тот хоть и мальчишка еще совсем, щупленький, а в сырой шинели и со всей амуницией вес немалый получился; по сугробам таким, навстречу обжигающему ветру, взметающему облака снежной пыли, далеко бы не ушли.

Но тут, наконец, повезло – начавший уже выбиваться из сил Дмитрий заприметил невдалеке очертания хаты и из последних сил рванул туда. Убежище это было, конечно, весьма эфемерное: давно опустевшее, насквозь промороженное, с прохудившейся крышей и наметенным через распахнутую дверь снегом. Но выбрать, однако, не приходилось.

Внутри нашлась кровать с отсыревшим тюфяком. Устроив впавшего в беспамятство Алешу, Дмитрий заприметил в углу закопченную печку-буржуйку и, пустив на растопку отломанные у стола ножки, сумел каким-то чудом разжечь огонь. Опустившись на расшатанную скамью, вытянул к печке озябшие красные руки и не выдержал, задремал.

– Пить, Христа ради, попить дайте... – слабый голос Лисицкого вывел его из оцепенения.

Дмитрий поднес ему немного натопленной из снега воды – так, больше пересохшие губы смочить, при такой-то ране.

– Еще, еще дайте... Огнем все горит...

– Нельзя больше, Алешенька, хуже будет.

– Что, умру я скоро?... – в голосе раненого было скорее утверждение, нежели вопрос.

– Даст Бог, дождемся утра, метель утихнет, глядишь – и доберемся до лазарета, к докторам, -ответил, отведя глаза, Дмитрий и сжал Алешину руку.

Тот помолчал, словно собираясь с силами или вспоминая что-то; пальцы его слабо зашевелились, сплетаясь с пальцами Дмитрия.

– Я... сказать хочу... Дмитрий Николаевич, вы... Я вас... – Алеша запнулся, сглотнул и, наконец, выдохнул хрипло: – Дороже всех на свете вы мне. Христом-Богом прошу, поцелуйте меня, умирать легче будет.

Дмитрий склонился к постели и губами коснулся ледяных запекшихся Алешиных губ, и показалось ему, что на обескровленном, побелевшем лице проступили слабые пятна румянца.

Алеша, кажется, хотел сказать еще что-то, но вскрикнул, забился, выгибаясь от страшной боли, и снова лишился чувств. Больше он в сознание не приходил, только бредил временами, жалобно зовя мать, и все, что оставалось Дмитрию, – молиться, чтобы смерть не медлила и милосердно забрала этого юного мальчика, которому едва-едва сравнялось шестнадцать.

На рассвете Дмитрий в пологой балке, начинавшейся сразу за хатой, взорвал последней гранатой землю и схоронил Алешу. На деревянной дощечке, прилаженной к самодельному кресту, навеки осталось вырезано: «Кадетъ Алексѣй Лисицкій. Погибъ за Россію».